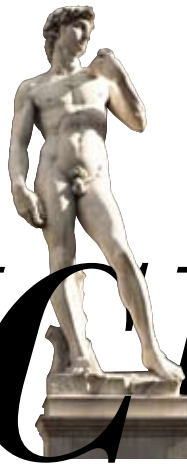

Ученица флорентийской школы Cecil's Studios измеряет пропорции на уроке рисования с натуры.

ВЫСШИЙ КЛАСС

Светлана Кольчик собиралась поехать заниматься йогой, но вместо индийского ашрама попала в художественную школу во Флоренции. Медленная штриховка, техника да Винчи, голые натурщики – эта медитация эпохи Возрождения оказалась гораздо полезнее для ее кармы.

ФОТОГРАФ: FERRUCCIO DE IULIS

Торопись медленно. Так Сенека говорил, ты не знаешь? – хихикает бородатый маэстро Доменико Милето, глядя, как я неосторожным движением третий раз за последние полчаса ломаю грифель. – Прикосновения твоего карандаша к бумаге должны быть легкими, как крылья бабочки».

А я вообще-то никуда не тороплюсь – так мне, по крайней мере, кажется. Я сбежала от моих пролетающих, как автомобили на «Формуле-1», перегруженных московских будней и почти на целую неделю приехала во Флоренцию учиться рисовать. Почему во Флоренцию и почему вдруг рисовать? Во Флоренции – моя любимая «Венера» Боттичелли в Уффици, фантастическое инжирное мороженое и самый большой в Европе магазин Salvatore Ferragamo. А еще лучшие арт-школы в мире – сюда круглый год едут учиться все подряд: художники, которые решили начать все с нуля, жадные до впечатлений неопиты (вроде меня), бизнесмены, переживающие кризис – экономический или среднего возраста, блондинки в поисках себя (или новой любви – арт-терапия ведь может запросто перейти в секс-терапию, особенно в Италии), путешественники, желающие добавить в предсказуемый туристический маршрут что-нибудь настоящее... Меня, правда, нельзя назвать совсем уж неопиткой: в детстве я практически жила в мастерской у мамы-художницы, а потом долго встречалась с коллекционером современно

искусства, который вместо ресторанов тащил меня по выставкам и мастерским. Но одно дело смотреть, а другое – рисовать самой. У меня на все про все неделя и ранимое эго перфекционистки. Мне дико интересно, смогу ли я за это время чему-то научиться. Вышеупомянутый Доменико, директор одной из самых уважаемых арт-школ во Флоренции Bottega Arcimboldo (такие школы здесь часто на старинный манер называют «боттегами» от итал. bottega – «мастерская»), куда я записалась на экспресс-курс по рисунку, пообещал сделать меня за неделю другим человеком. Начало интригующее.

...«Пьяно, пасьенца, дисциплина», – над моим девственным мольбертом склонился один из преподавателей боттеги, важный седовласый флорентиец по имени Мауро Сартти – по-моему, он похож на Раймонда Паулса. Пьяно. Пасьенца. Дисциплина. Эти три итальянских слова – «медленно, терпение, дисциплина» – моя новая мантра. Мауро утверждает, что рисование – это йога. Нужно успокоить ум, перестать слушать мысли, расслабиться и одновременно сконцентрироваться. Иначе будет

трудно и никакого удовольствия. Но кто тут говорит про удовольствие? В ближайшие пару дней мне предстоит нечто, мало похожее на творческий процесс. Первое упражнение, за которое тут сажают и профи, и новичков, называется «квадраттино»: нужно однородно заштриховать простым карандашом восемь квадратиков 2 x 2 см. Каждый «квадраттино» должен быть на полутон светлее другого – у серого, оказывается, есть восемь оттенков! «Главное в рисовании – голова, – наставляет меня маэстро Мауро. – Перестань думать о том, что ты будешь делать сегодня вечером. Будь здесь и сейчас. На втором месте –

глаза: ты должна научиться видеть то, чего не видят другие, – мельчайшие детали, оттенки, блики, полутона, свет, пространство. А твои руки – они просто слуги. А еще... – на этих словах Мауро взял у меня из рук карандаш и многозначительно произнес: – Ты должна касаться бумаги грифелем так же нежно, как ты ласкаешь своего мужчину». Но даже эта романтическая аналогия мне не помогает. С детства мне было трудно усидеть на месте, и сейчас у меня уже успела устать правая рука, затекла спина, а 10-сантиметровый грифель с тонким, как нож скальпеля, кончиком продолжает ломаться. Мой темперамент привык к бегу на короткие дистанции и стремительной смене впечатлений, а характер – к быстрым победам. А мне приходится сидеть в студии с плотно зашторенными окнами и штриховать простым карандашом квадраттино! Или я совсем разучилась учиться?

Мои одноклассники, однако, корпят над своими мольбертами под «Богему» Пуччини со стоически сосредоточенными лицами. Компания у нас собралась колоритнейшая: 40-летняя учительница из Гамбурга; 28-летняя бизнес-монстр из Ванкувера; красавица неопределенного возраста – бывшая модель и пиарщица Armani; ее 22-летний сын – тоже модель; францисканский монах родом из Молдовы, который служит в церкви Санта-Кроче в центре Флоренции; мрачный владелец маленького флорентийского отеля, который громко ругается каждый раз, когда у него ломается грифель; 38-летняя многодетная мама – тоже из Флоренции; двое крайне благовоспитанных детей профессора Принстонского университета и, наконец, всеобщая любимица, 15-летняя флорентийка Сандра с личиком с картин Боттичелли. Сандру преподаватели прозвали «Леонардина» в честь Леонардо да Винчи – карандаш в руках этой девушки творит чудеса, и ей прочат большое будущее. Из всей этой компании меня больше всего заинтриговал францисканский монах. Мы с ним говорили по-русски (он выучил язык на своей родине, в Молдове) – Кристинел, краснея, сказал, »

1. Подрабатывать натурщицей – популярный источник заработка во Флоренции, особенно среди студентов. Некоторые умудряются зарабатывать «телом» больше 1000 евро в неделю.

2. Вид на реку Арно и мост Понте Веккьо.

3. Францисканский монах Кристинел пишет автопортрет.

4. Девушке-вундеркинду Сандре прочат славу Леонардо да Винчи.

5. Мауро Сартти, преподаватель Боттеги Арчимбольдо, работает над копией картины Микеланджело «Святое семейство».

Студенты в Школе
Чарльза Сесилия рисуют
гипсовые слепки.
НА ФОТО ВНИЗУ:
Натурщик Марко в Бот-
теге Арчимбольдо.
Уличный художник
в центре Флоренции.

«ТЫ ДОЛЖНА КАСАТЬСЯ
БУМАГИ ГРИФЕЛЕМ ТАК ЖЕ
НЕЖНО, КАК ТЫ ЛАСКАЕШЬ
СВОЕГО МУЖЧИНУ...»

» что когда в школе рисуют с натуры, мужское тело ему рисовать можно, а женское – нет. Я спросила Кристинела, как столь светское хобби (рисовать голых мужчин, по-моему, еще более рискованное занятие для монаха) сочетается с его духовной карьерой. Монах дотронулся до четок, ласково улыбнулся, возвел глаза к небу и блаженно выдохнул: «Искусство – самый короткий путь к Богу». И принялся дорисовывать автопортрет, который занимает его свободные от исповедей вечера уже второй (!) год. После церкви Кристинел обычно приезжал в школу в рясе, но однажды ему выдался выходной, и он... прикатил на мотороллере и в потертых джинсах.

«А я, когда сажусь за мольберт, обо всем забываю, даже о детях. К счастью, муж меня поддерживает и разрешает мне сюда приходить», – докладывает реставратор Элена, которая два раза в неделю сбегает порисовать в Боттегу

Арчимбольдо из дома, где воспитывает двоих малышей. Элена в студенчестве училась живописи, но результатами осталась недовольна и пришла сюда переучиваться. Сейчас у нее выходит великолепно – она оттачивает технику, рисуя статую Меркурия. Немка Элизабет, чей муж торгует яхтами, из-за чего семейство временно обо-

сновалось во Флоренции, рассказала мне, что только в сорок лет она решила воплотить детскую мечту – рисовать – родители-профессора в свое время запретили ей даже думать об искусстве и заставили пойти в пединститут. «Мне вначале сложно было, я привыкла делать десять дел одновременно, – говорит она, – а сейчас я подседа». «Я тоже могу здесь хоть весь день сидеть – время пролетает незаметно», – вступила в разговор бывшая пиарщица Argmani с древнеримским именем Фламиния. Она приходит в студию ежедневно после обеда и вот уже третий день подряд методично штрихует круглую, как дыня, половинку мужской попы с фотографии античной статуи. Фламиния, блондинка, похожая на Сиенну Миллер, полжизни провела в Лондоне, была замужем за англичанином, потом развелась, уволилась с работы и вернулась во Флоренцию. Сейчас у нее новая любовь, точнее – две: рисование и некто Amore Mio, с периодичностью маньяка называющий ей на айфон (я подглядела, что в этот момент на экране телефона, помимо надписи Amore Mio, появляется фото загорелого рагаццо в очках-авиаторах Ray-Ban, лет на 15 моложе самой Фламинии). «Мой мужчина ревнует меня к рисованию, – кокетливо оправдывается она. – Мне, кстати, мужское тело нравится рисовать гораздо больше – оно графичнее женского. Я всю жизнь работала, –

ТАК УЧИЛ ЛЕОНАРДО

В лучших флорентийских арт-школах, которые известны своим крайне академичным подходом, вам вряд ли сразу дадут масляные краски. Сначала вас будут методично учить рисовать карандашом или углем, чтобы глаза и руки привыкли к технике, выработалась усидчивость. Это будут элементарные упражнения вроде штрихования в технике сфумато (принципы которого сформулировал Леонардо) – чем дальше предмет на рисунке, тем больше он тонет в дымке, чтобы выглядеть объемным. Потом будут гипсовые части тела, потом портреты и обнаженная натура. О живописи в первый год обучения не разрешают даже заикаться.

продолжает она (при этом уже десять минут терпеливо подтачивая грифель), – а тут решила сделать подарок самой себе – записалась в арт-школу. И вошла во вкус. У меня даже характер поменялся: я стала терпеливее, спокойнее, даже машину вожу лучше. А вот он, – Фламиния показала на своего сына, здорового парня, – принадлежит к тому поколению, которое не может без быстрых результатов. Ему здесь учиться сложнее».

Кажется, я тоже начала входить во вкус. Моя мама говорила, что искусство – это не результат, а процесс. Стоило мне заткнуть в себе перфекционистку и включиться в этот самый процесс, как мои движения стали точнее, а штрихи – легче. И зачем люди едут в индийские ашрамы? В состоянии медитации можно войти и в маленькой флорентийской студии с зашторенными окнами.

Вечером я решила заглянуть в другую известную во Флоренции арт-школу – Cecil's Studios. Она прославилась своим либеральным подходом. Владелец – американский художник Чарльз Сесиль, эксцентрик и душа местной богемы. (Его потертый вельветовый пиджак и выразительное красное лицо навели меня на мысль, что выпить этот человек любит так же горячо, как искусство.) Он из Чикаго, перебрался в Европу 30 лет назад, учился во Франции, переехал в Италию и в 1983 году открыл школу в самом сердце Флоренции, в районе Лонтарно, где со времен Возрождения находились мастерские художников и скульпторов. Чарльз Сесиль тоже охотно берет новичков и почти сразу дает рисовать с натуры, используя уникальный метод sight-size – когда пропорции объекта измеряются на глаз с определенного расстояния от мольберта и затем по памяти переносятся на бумагу (именно в такой технике в свое время работали Веласкес, Сарджент, Гейнсборо).

Крутые ступеньки узкой лестницы ведут наверх, в полукруглую залу со сводчатыми потолками и каменными стенами. В Средние века здесь была готическая церковь, а с конца 18 века – мастерская скульптора Бартолини, который делал бюсты по заказу Наполеона, царя Николая Первого и лорда Байрона. В 60-е годы владельцы устраивали тут буйные вечеринки с оргиями, а сейчас обнаженными здесь ходят исключительно натурщики. Под руководством симпатичного англичанина Тома мы «снимаем мерки» с натурщицы, итальянки со сливочной кожей и формами с картин Модильяни. «К концу занятия у тебя должны быть контуры ее тела, – объявляет мне Том. – You can do it, Светлана!» Где-то я нечто подоб-

» ное уже слышала... Кажется, на американском тренинге личностного роста. Рядом со мной две итальянки, три англичанки, американка, бельгийка и австралийка с азартом перемещаются по залу, деловито на глаз отмеряют пропорции, делают бойкие штрихи... Занятие напоминает сеанс action-painting – модный тренд в искусстве, когда художник за считанные минуты должен создать картину. «Doing great, Светлана! – подбадривает меня Том. – Давай вместе измерим наиболее выступающую часть ее тела?» – предлагает он, политкорректно имея в виду большую попу натурщицы. – Good! Good!» Контуры тела возникают у меня на бумаге на удивление быстро. Пропорции тоже, как ни странно, более-менее соблюдены. Еще я обнаружила, что за последние два часа перестала о чем бы то ни было думать – даже о том, что передо мной абсолютно голая тетка, которую я и другие девушки совершенно неприлично со всех углов рассматриваем.

В перерыве натурщица накидывает халат и стыдливо убегает в туалет, одноклассницы отчаянно флиртуют с преподавателем (они явно были бы не против нарисовать его без одежды), а я интересуюсь у одной из самых взрослых учениц, 36-летней Сидни из австралийского Брисбена, что ее сюда привело. «А вы читали книжку Eat Pray Love (“Есть Молиться Любить”, бестселлер американской писательницы Элизабет Гилберт. – прим. МС)? – Сидни улыбается, но глаза у нее грустные. – Я ее недавно прочла и поняла: это все про меня. Там героиня разводится и едет начинать новую жизнь в Италию. Я прошлым летом тоже развелась, закрыла бизнес, сдала дом и решила провести год в Италии. Просто так, для себя. Так здорово пожить в другой среде, вдали от привычного тебе окружения, от надоевших расспросов типа “как ты, тебе уже лучше?”! Когда еще такая возможность будет? Я стала учить во Флоренции итальянский, и мне предложили поучиться в арт-школе. Я попробовала – мне понравилось. Здесь я не только о разводе забываю, но и вообще обо всем на свете!»

Я тоже ближе к концу недели основательно обо всем забыла и потихоньку начала понимать тех, кто, раз попробовав рисовать, полностью меняет жизнь, – во Флоренции это в порядке вещей. Когда в последний день в Боттеге Арчимбольдо мне разрешили нарисовать копию мускулистой мужской ноги, процесс меня настолько захватил, что я потеряла счет времени. Вечер в школе выдался бурный. Играл энергичный американский джаз, девчонки обсуждали вчерашнего натур-

щика Марко. (Размеры его достоинства их, мягко говоря, не впечатлили. Зато впечатлила манера держаться – комически пафосная: Марко с важным видом менял позы и явно ловил нарциссический кайф от всеобщего внимания к его персоне, точнее, к его телу. Как потом оказалось, этот Марко – уже много лет один из самых востребованных натурщиков во Флоренции. Мастерство, как говорится, не пропьешь – даже если оно заключается в простом позировании в голом виде.) Пока

мы сплетничали, мужчины в студии спорили о том, что такое искусство. «Пара мигающих лампочек – это уже инсталляция, а цветные пятна на холсте – уже картина, – сокрушался директор школы Доменико. – Художник Дэмьен Хёрст – это блеф, удачный пиар. Нет, я не против современного искусства, только многие художники сегодня совсем не умеют рисовать». Проходя мимо меня, маэстро одним глазом взглянул на мой рисунок и закивал: «Браво!» Я было засомневалась в его искренности, но он тут же подбадривающе произнес: «Оставайся у нас, и скоро сможешь нарисовать портрет своего любимого мужчины! У многих из нас есть талант, только мы о нем не знаем, пока не начнем учиться. Талант ждет, чтобы его разбудили». Для меня, впрочем, оказалось важнее другое – все эти дни итальянские учителя хвалили меня (и остальные школьники тоже), как только итальянцы умеют хвалить своих обожаемых детей. «Браво!» каждые пять минут были лучшей психотерапией – такого количества «поглаживаний» я, наверное, не получила за всю свою сознательную жизнь.

Я не знаю, удалось ли мне «разбудить» мой талант и стала ли я другим человеком, но что-то вокруг меня изменилось. Во-первых, я испытала щенячий восторг, причем

с дозой адреналина, когда мой рисунок ноги получился похожим на оригинал. Во-вторых, я начала иначе смотреть на мир – он сделался объемнее, наряднее. Разница, как между фильмом по телевизору и фильмом в 3D-кинотеатре. Фотографии, которые я делаю на телефон, стали гораздо художественнее – я вспомнила, что такое свет и композиция. А самое смешное – я стала мысленно раздевать мужчин и – не поверите! – женщин, представляя, как бы я их рисовала с натуры. Это здорово тонизирует. **МС**

BACK TO SCHOOL

В эти школы во Флоренции можно смело записываться, даже если вы ни разу в жизни не держали в руках кисть: **Боттега Арчимбольдо** (La Bottega dell'Arcimboldo – Art Academy), www.florenceartacademy.it; **Школа Чарльза Сесилия** (Charles H. Cecil Studios), www.charlescecilstudios.com; **Академия Джона Энджела** (Angel Academy of Art), www.angelartschool.com; **Студия скульптуры Рафаэлло Романелли** (Studio Galleria Raffaello Romanelli), www.raffaelloromanelli.com. Неделя обучения (30 часов) стоит от 250 евро; 3 месяца – 3000 евро.

Хотите высказаться по данному поводу? Пишите главному редактору на ozaretskaya@hfm.ru

1

4

3

На фото:
1. Девушки в арт-школе Чарльза Сесилия рисуют голого мужчину.
2. Скульптурная студия Romaneli при школе Чарльза Сесилия.
3. Светлана Кольчик, Дарья (ученица из России) и натурщик Марко в Боттеге Арчимбольдо.
4. Художник Чарльз Сесиль, директор школы Cecil's Studios, на фоне своего триптиха «Снятие с креста».

2